This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG3476
I28D8

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Gedanken und Eindrücke . . .
. . . von A. Jan-Ruban.

Думы и впечатлѣнія.

Александра Янъ-Рубана.

Leipzig.
Raimund Gerhard
(vorm. Wolfgang Gerhard).
1900.

Думы и впечатлѣнія.

Сборникъ поэтическихъ

произведеній

Александра Янъ-Рубана.

Лейпцигъ.
Раймундъ Гергардъ.
(бывшій Вольфгангъ Гергардъ.)
1900.

Оглавленіе.

	Стр.
Думы и впечатлѣнія	1
Гоните прочь воспоминанья	3
Раздумье	4
Вѣнокъ	5
Дружба	6
Вотъ и еще человѣка не стало	8
Совѣтъ	9
Е. А. Бакуниной	10
Оправданіе	11
Смерть	13
Ночь	15
Отзвуки	17
Прости мнѣ, Боже! Мой духъ унылъ	19
Нелли	20
Осторожность	21
Сердце остывшее въ буряхъ сомнѣнія	22
Отчаяніе	23
Вечеръ	24
Сновидѣнье	25

Стр.
Бѣгите, скорѣе бѣгите 26
Узникъ 28
Когдабы зналъ-я, что никто 29
Чѣмъ чаще я твой образъ вижу 30
Къ юности 31
Сонетъ 32
Ты слышишь, какъ буря 33
Въ изгнаньи 35
Дѣвочкѣ 37
Къ моему псу 39
Въ альбомъ иностранкѣ 41
Е. Ѳ. Вульфъ 44
Друзьямъ 45
Грѣшница 51
Искупленіе. Часть I. Проклятіе 57

Думы и впечатлѣнія.

Гоните прочь воспоминанья
Давно отъ насъ ушедшихъ дней!
Пройдетъ восторгъ очарованья,
И жизнь покажется мрачнѣй.

Она идетъ своей чредою,
И впереди такъ много лѣтъ.
Любви плѣнительной мечтою
Еще не весь исчерпанъ свѣтъ.

Но въ мірѣ темномъ, какъ пучина,
Одна отъ вѣчности временъ
Необходимая причина
И слѣдствій роковой законъ.

Добро и зло душой холодной
Ты созерцая обойми,
И уживутся въ ней свободно
Всѣ чувства разныя твои!

Раздумье.

Игрой судьбы заброшены случайно
Въ нашъ душный міръ отчаянья и лжи,
Чего мы ждемъ? Зачѣмъ надеждой тайной
Смущаемъ мы покой своей души?

Въ созданьяхъ мысли, въ смутномъ сновидѣньѣ
О чудныхъ дняхъ блаженства и любви
Мы думаемъ найти успокоенье
И оправдать мученія свои.

Но смерть придетъ, и трепеща отъ страха
Разстаться мы съ землею не хотимъ.
О чемъ жалѣть? Мы рождены отъ праха;
Зачѣмъ же съ прахомъ слиться такъ дрожимъ?

Вѣдь наша жизнь — мгновенье тяжкой муки,
А впереди покой небытія!
Что жъ на себя не наложу я руки?
Что жъ умереть еще колеблюсь я?

Вѣнокъ.

Вѣнокъ завялъ. Цвѣты поникли.
Жизнь не вернется къ лепесткамъ.
Въ густой травѣ они привыкли
Къ теплу и солнечнымъ лучамъ.

Купала ихъ роса ночная,
Шептали волны сказки имъ,
И вѣтеръ, тихо пролетая,
Ласкалъ дыханіемъ своимъ.

Но сорваны рукой небрежной
Въ минуту прихоти пустой
Они въ кудряхъ шалуньи нѣжной
Плѣняли взоръ нашъ красотой.

Что намъ до нихъ? Лишь солнце встанетъ
Ихъ смѣнятъ новые цвѣты.
Не такъ ли юность наша вянетъ
Въ забавахъ свѣтской суеты?

Дружба.

Въ тревогѣ свѣтлыхъ увлеченій
Съ отвагой юности живой
Единствомъ чувства и стремленій
Скрѣпили дружбу мы съ тобой.

Но дни бѣгутъ чредой послушной,
И съ ними кругъ души растетъ.
Какъ часто голосъ равнодушный
Смѣшнымъ минувшее зоветъ!

Проходятъ чувства и желанья.
Боюсь, въ разлуки скорбный часъ
Суровой жизни испытанья
Навѣкъ не разлучили бъ насъ.

Оторванный отъ прежней страсти,
Трудомъ страданье заглушивъ,
Въ борьбѣ сомнѣній и несчастій
Услышу ль дружескій призывъ?

Иль все, что далъ намъ дружбы геній,
Давно въ груди погребено,
И среди новыхъ впечатлѣній
Искать друзей мнѣ суждено?

Но нѣтъ! Душа забыть не можетъ.
Какъ вырвать силой изъ нея
Все, что волнуетъ и тревожитъ,
Чѣмъ полно счастіе мое;

Чѣмъ мы гордимся въ дни страданій,
Чѣмъ сильны въ горѣ и въ борьбѣ,
Чѣмъ люди въ бурѣ испытаній
Безсмертье создали себѣ!

Вотъ и еще человѣка не стало:
Няня твоя умерла.
Тихо съ годами она угасала,
Тихо въ могилу сошла.
Долгіе дни прожила она свято
Съ вѣрой въ добро и людей.
О, неужели могилою взято
Все, что посѣяно добраго ей?
Что же красуясь въ безмолвномъ покоѣ
Свѣтлое небо молчитъ?
Или просторъ его горе земное
Стономъ своимъ не смутитъ?
Такъ для вселенной проходитъ незримая
Жизнь, по себѣ не оставивъ слѣда,
Тая, какъ прихотью вѣтра гонимая
Тучекъ вечернихъ гряда.

Совѣтъ.

Танцуйте, мой другъ, веселитесь,
Ловите мгновенья любви,
И строить намъ глазки учитесь,
Дарите улыбки свои.

Не мало людей отзовется
На вашъ вызывающій взглядъ,
И сердце иное забьется
Въ надеждѣ летучихъ наградъ.

Но помните, счастье не въ блескѣ
И жизнь не пустыя слова.
Какъ старая надпись на фрэскѣ,
О прошломъ гласитъ намъ молва.

И нѣтъ постоянства въ природѣ;
Смѣняется полночью день.
Гдѣ сердце привыкло къ свободѣ,
На честь тамъ наброшена тѣнь.

Душа въ наслажденьяхъ черствѣетъ
Не видя грѣха своего.
Любить только горе умѣетъ,
Да опытность, спутникъ его.

Е. А. Бакуниной.

Мой другъ, ты мнѣ ни въ чемъ не вѣришь,
Въ поступкахъ видишь бездну лжи
И на аршинъ обычный мѣришь
Порывы двойственной души.

Гдѣ мысль съ поступкомъ несогласны,
И рѣчь души затемнена,
Тебѣ причины ихъ не ясны,
И связь ихъ болѣ не видна.

Какъ міръ, душа разнообразна,
И какъ пучина глубока.
Она то въ нѣгѣ дремлетъ праздно,
То гордо рвется въ облока.

То спитъ, какъ пахарь въ часъ полдневный,
То какъ потокъ стремится вдаль,
То возвышаетъ ропотъ гнѣвный,
То погружается въ печаль.

Какъ на нее надѣть оковы?
Она цѣпей не признаетъ.
Какъ въ бурю моря валъ суровый,
Душа свободою живетъ.

Оправданіе.

Отчего ты сегодня блѣдна и томна,
И круги подъ глазами твоими?
Знать всю долгую ночь ты не вѣдала сна,
Пировала съ друзьями лихими!

Среди шумныхъ рѣчей отъ вина весела,
Позабывъ свою горькую долю
То тому, то другому себя отдала,
Жажду страсти насытила вволю.

Съ упоеньемъ глядя на твою наготу,
Ударяя стаканомъ въ стаканы,
За невинность твою, за твою красоту
Пьетъ шутя обожатель твой пьяный.

И не стыдно тебѣ его грязныхъ похвалъ.
Ты въ насмѣшкахъ ему не уступишь.
Только бъ деньги давалъ, да виномъ угощалъ —
Твоей ласки иначе не купишь!

Но тебя не хочу я за то укорять,
Что своей ты торгуешь любовью.
Вѣдь вскормила тебя нищета — твоя мать,
Въ тяжкомъ горѣ и потомъ и кровью.

Если можетъ нашъ братъ цѣловаться съ женой,
Съ нею нѣжиться въ мягкой постели,
А жена со двора — и онъ мчится стрѣлой
Весь закутанъ въ бобровой шинели,

И за грязный развратъ, за постыдный восторгъ
Сыплетъ золото щедрой рукою,
Вызывая тебя на мучительный торгъ,
Чтобъ на мигъ насладиться тобою; —

Ты права, что забыла свой дѣвичій стыдъ
И виномъ заглушила страданья:
Передъ Богомъ тебя нищета защититъ,
А ему не найти оправданья!

Но позоръ твой и стыдъ будетъ общество несть,
Что прощаетъ всему, что богато,
И надменнымъ презрѣньемъ клеймитъ твою честь,
А не вырветъ тебя у разврата.

Смерть.

Гляжу на трупъ охолодѣлый
Съ печалью горестною я.
Кто изъ людей, безумецъ смѣлый!
Постигнетъ тайну бытія?

Какой невѣдомою силой
Огонь страстей зажженъ въ груди?
Что за холодною могилой
Насъ ожидаетъ впереди?

Средь духовъ ясныхъ и незримыхъ
Съ печатью свѣта на челѣ
Узнаемъ ли друзей любимыхъ
И близкихъ сердцу на землѣ?

Иль позабывъ земное горе,
Родную бросивъ сторону,
Сольемся снова мы, какъ море,
Въ одну могучую волну?

Иль въ смерти мы найдемъ забвенье,
Въ насъ жизнь угаснетъ навсегда,
И наши думы и стремленья
Исчезнутъ съ прахомъ безъ слѣда?

Разсѣются, какъ сонъ случайный,
Какъ мимолетная мечта?
Но грудь твоя не выдастъ тайны,
И смертью скованы уста!

Ночь.

Ночь благоуханная
На поля легла
И луна туманная
На небо всплыла.

Праздная, нарядная
Дремлетъ Суета,
Только неприглядная
Бродитъ Нищета.

Нѣтъ пріюта бѣдному
Старику съ клюкой,
Ни ребенку блѣдному
Съ матерью больной.

Что же зала модная
Свѣтомъ залита?
Молодежь свободная
Баломъ занята!

И сердца танцующихъ
Стономъ пробудивъ
Плачущихъ, тоскующихъ
Не смутитъ призывъ.

Блещетъ зала модная.
На дворѣ темно:
Нищета голодная
Не видна въ окно!

Отзвуки.

Прости мнѣ, Боже! Мой духъ унылъ,
Не знаетъ сердце покоя.
Безмолвно въ груди я своей схоронилъ
Все лучшее, все дорогое,

Все то, чѣмъ я бредилъ въ счастливые дни,
Въ минуты святыхъ вдохновеній.
Мечты молодыя и силы мои
Погибли въ тревогѣ сомнѣній.

И вѣра мнѣ въ душу свой свѣтъ не прольетъ;
Душа въ ней отрады не знаетъ.
Надежда? Но сердце въ прошедшемъ живетъ;
Грядущее кто разгадаетъ?

И то, что я въ жизни такъ сильно любилъ,
Останется ль вѣчно со мною?
Прости мнѣ, о Боже! Мой духъ такъ унылъ,
И сердце не знаетъ покоя.

Нелли.

О Нелли, твой образъ плѣнительный
Вчера я увидѣлъ во снѣ.
Какъ прежде твой смѣхъ упоительный
Сулилъ наслажденіе мнѣ.

Манила улыбка лукавая
Въ объятья горячей любви,
Склонялась головка кудрявая,
И взоры сверкали твои.

Но къ другу ты съ ласкою нѣжною
Напрасно взываешь любя;
Онъ думой исполненъ мятежною
Не видитъ, не слышетъ тебя.

Свершается злое пророчество,
Подкупленъ неправедный судъ.
Изгнанье, тоска, одиночество,
И холодъ и мракъ меня ждутъ!

Осторожность.

Нѣтъ! Не поддамся я обману.
Твой взоръ не ослѣпитъ меня.
Въ больную грудь, въ живую рану
Ты влить пытаешься огня.

Знакома мнѣ твоя уловка —
Обманщицы обычный путь.
Но сердце, ловкая плутовка,
Два раза трудно обмануть.

Ты возвратить не можешь слова,
Разъ было сказано оно.
Такъ въ сердцѣ страсть не вспыхнетъ снова:
Оно любовью сожжено.

Сердце остывшее въ буряхъ сомнѣнія,
Умъ озлобленный въ дикой борьбѣ,
Холодъ отчаянья; жажда забвенія —
Этимъ всѣмъ я обязанъ тебѣ!

Чтожъ? Веселись! моя молодость шумная
Въ мрачныхъ тревогахъ прошла.
Рѣчь безучастная, ласка разумная
Сердцу ударъ нанесла.

Былъ онъ разсчитанъ съ холодною твердостью,
Знала ты, чѣмъ уязвить!
Только съ твоей безпредѣльною гордостью
Можно былое забыть.

Но берегись! Не проснется ль раскаянье?
Совѣсти страшенъ укоръ.
Въ мигъ одиночества злое отчаянье
Вдругъ обнажитъ твой позоръ.

Тщетно ты будешь тогда въ изступленій
Кликать любимыхъ друзей:
Не пробудить тебѣ въ нихъ сожалѣніе
Къ участи горькой твоей!

Отчаяніе.

Я чувствую, душа моя слаба.
Ничто въ груди вновь не пробудитъ силы.
Ликуетъ смерть, кругомъ кипитъ борьба
И время роетъ свѣжія могилы —
Но въ тишинѣ уходитъ жизнь моя.
Съ тоской любви одинъ напрасно споря,
Въ волшебный кругъ мучительнаго горя
Замкнулся я.
Безумнымъ сердцемъ весь отдавшись страсти
Я гибну въ немъ безъ пользы для другихъ.
Надъ чувствами нѣтъ прежней гордой власти,
И голосъ мой въ бездѣйствіи затихъ,
О гдѣ же вы, чарующія грезы,
Вы, юности прекрасныя мечты,
Вы, чистыя и искреннія слезы,
Моей весны душистые цвѣты?
Холодный мракъ сковалъ воображенье.
Раздумье на сердце легло.
Нитъ ни любви, ни слезъ, ни упоенья —
Погибло все, все время унесло!

Вечеръ.

Прекрасны вы, лѣса родные,
Когда зари прощальный лучъ
На ваши листья молодыя
Блеснетъ внезапно изъ за тучъ.

Какая нѣга въ вашей рѣчи,
Какъ полонъ думы шумъ глухой!
Въ прохладной мглѣ какія встрѣчи
Готовитъ мнѣ туманъ ночной?

Русалка ль трепетная встанетъ
Изъ волнъ заснувшаго ручья
И пѣсней страстною заманитъ
Въ свои волшебные края?

Прижавъ къ груди своей холодной
Мнѣ душу сномъ обворожитъ
И лаской дикой и свободной
Сердечный ропотъ заглушитъ?

О, что тогда земныя рѣчи
И скучный говоръ суеты
Предъ упоеньемъ тайной встрѣчи
И своенравіемъ мечты!

Сновидѣнье.

Съ тобою разлученъ для тяжкаго мученья,
Томимъ недугомъ злымъ въ бреду забылся я.
Я спалъ, и надо мной летали сновидѣнья;
Казалось мнѣ, увы! что вновь ты близь меня.

Склоняясь надо мной съ улыбкой страсти нѣжной,
Шептала ты слова горячія любви,
И на лицо мое рукою бѣлоснѣжной
Бросала локоны душистые свои,

Смѣясь такъ весело, когда они небрежно
Ложилисъ вкругъ меня игривою волной,
И отдавалась вся такъ чисто, такъ безгрѣшно
Минутной радости безпечною душой,

То оживлялась вдругъ для сладкаго волненья,
То забывалась вновь въ томленіяхъ любви. —
Но солнце ясное взошло, и сновидѣнья
Съ туманомъ утреннимъ разсѣялись мои.

Еще душа дрожитъ полна очарованья,
Еще пылаетъ грудь, течетъ волнуясь кровь;
Но поздно, нѣтъ тебя! напрасны ожиданья:
Минутный счастья сонъ не возвратится вновь!

Бѣгите, скорѣе бѣгите
Минуты, часы и дни!
Въ прошедшаго даль уносите
И чувства и мысли мои.

Безбожно тянется время
Томится во мракѣ душа.
Какъ сбросить тяжелое бремя
Стонъ сердца въ груди заглуша?

Хоть искру бъ надежды и свѣта!
Родную, знакомую рѣчь!
Хотя бы улыбку привѣта,
Чтобъ силы и бодрость сберечь!

Забыться въ мечтахъ на мгновенье,
Въ обманчивомъ счастія снѣ!
Гдѣ мукъ и страданій забвенье?
О дайте забвенія мнѣ!

Иль прежніе дни возвратите,
Верните мнѣ юности пылъ,
У темныхъ гробовъ отнимите,
Что въ нихъ я давно схоронилъ!

Наполните сердце мечтами,
Взволнуйте любовью мнѣ грудь
И свѣтлой надежды лучами
Опять озарите мой путь.

Лишь такъ какъ теперь не тянитесь
Въ глухой, безпросвѣтной тѣни.
Скорѣе, скорѣй пронеситесь,
Изгнанья унылые дни!

Узникъ.

Какая мука!
Душа болитъ.
Вокругъ ни звука.
Все мирно спитъ.
Минуты ночи
Бѣгутъ чредой.
Страдать нѣтъ мочи
Пылаютъ очи
Нѣмой тоской.
Въ молитвѣ страстной
Рыдать готовъ...
Въ борьбѣ ужасной
Языкъ безъ словъ,
И свѣтлой вѣры
Огонь погасъ.
Когда же смерти
Настанетъ часъ?
О Боже, Боже!
Такъ жить, терпѣть
Одно и тоже,
Что умереть!

Когда бы зналъ я, что никто
Не будетъ плакать надо мной,
Повѣрь, мой другъ, давно бы я
Разстался съ жизнью молодой.

Но будетъ мать моя рыдать
И утѣшенья не найдетъ,
И бѣдный, бѣдный мой отецъ
Тогда съ тоски умретъ!

Вздохнутъ печальные друзья,
Махнувъ мнѣ вслѣдъ рукой.
Лишь ты, красавица моя,
Не станешь плакать надо мной

Какъ птичка вольная порхнешь,
Узнавъ про мой конецъ,
И со врагомъ моимъ пойдешь
Ты торжествуя подъ вѣнецъ.

Чѣмъ чаще я твой образъ вижу
И слышу звукъ твоихъ рѣчей,
Тѣмъ я сильнѣе ненавижу
Воспоминанье прошлыхъ дней.

Надъ всѣмъ, что было намъ такъ свято,
Во что я вѣрилъ глубоко,
Съ улыбкой, ласковой когда-то,
Ты шутишь дерзко и легко.

Въ презрѣньи къ прошлому ты видишь
Блескъ превосходства своего.
А если сердце имъ обидишь?
Тебѣ нѣтъ дѣла до того!

Стыдись! Ужель достойны смѣха
Ошибки нашихъ лучшихъ лѣтъ?
Нѣтъ, жалки тѣ жрецы успѣха,
Кому святого въ жизни нѣтъ!

Къ юности.

Юность кипучая, гдѣ ты?
Гдѣ упоенья года?
Пѣсни любимыя спѣты,
Время настало труда.

Горе развѣяло грезы,
Мысль пробудило во мнѣ,
Счастія дѣтскія слезы —
Въ буряхъ изсякли онѣ.

Но ужъ къ грозѣ привыкая
Вдумчивѣй стала душа.
Жизни волна роковая,
Ты и въ борьбѣ хороша!

Сонетъ.

О если бъ вы почувствовали сами,
Какъ тяжело въ душѣ звучитъ укоръ,
Когда друзей любимыми устами
Произнесенъ неправый приговоръ!

Еще вчера разстались мы друзьями.
Такъ задушевенъ былъ нашъ разговоръ,
И кто бы могъ подумать, что межъ нами
Пустая рѣчь посѣетъ вдругъ раздоръ.

Но нѣтъ святого для любви остывшей!
И вотъ въ груди, лишь вѣрой въ дружбу жившей
Еще одна струна оборвалась.

Еще одна! О сколько слезъ и муки
Въ себѣ таятъ нѣмые эти звуки,
Какъ будто въ нихъ вся жизнь моя слилась!

Ты слышишь, какъ буря
Шумитъ и реветъ,
То клонитъ деревья,
То мечетъ и рветъ?

Порывъ урагана
Рожденный въ степяхъ
Несется, взметая
Безжизненный прахъ!

Ты, грозная буря,
Какъ ты мнѣ сродни!
Въ насъ буйныя думы
И чувства одни.

Какъ ты, въ безпрерывной
И дикой борьбѣ
Мой умъ покориться
Не хочетъ судьбѣ.

Почуявъ свободы
И небо и адъ,
Онъ рвется на волю
Не зная преградъ.

Рожденъ и воспитанъ
Въ тревогѣ невзгодъ
Онъ въ вѣчномъ движеньи
Борьбою живетъ.

Поклонниковъ рабства
И злоба и страхъ —
Съ земли онъ сметаетъ
Отжившаго прахъ!

Въ изгнаньи.

Дѣвочкѣ.

Время разлуки настало.
Милая Женя, прощай!
Скоро и я уѣзжаю
Въ дальній и чуждый мнѣ край.

Но не забуду въ изгнаньи
Долго твой ласковый взоръ,
Смѣхъ твой веселый и звонкій,
Искренній твой разговоръ.

Дѣти неопытны въ жизни.
Нѣтъ въ нихъ ни злобы, ни лжи.
Вотъ отчего такъ люблю я
Проблески дѣтской души.

Вѣра въ добро, моя крошка,
Сила большая, повѣрь.
Съ нею ты вынесешь твердо
Много тяжелыхъ потерь.

Но охраняй ее свято
И не стыдись никогда
Вспомнить, что съ нею сроднилась
Ты въ молодые года.

Дѣтство богато незнаньемъ.
Это тебѣ мой завѣтъ:
Въ трудномъ пути человѣка
Лучшаго времени нѣтъ!

Къ моему псу.

Что ты тоскуя бродишь,
Мой вѣрный песъ, Буянъ?
Прощай. Настала осень,
Съ полей встаетъ туманъ.

И холодно и сыро,
Желтѣя вянетъ листъ,
И куликовъ послѣднихъ
Замолкъ веселый свистъ.

Дождь капаетъ холодный
Съ нахмуренныхъ небесъ,
И вскорѣ обнаженный
Осиротѣетъ лѣсъ.

Хозяинъ твой уѣдетъ;
Вернется ли когда?
Кто знаетъ? Разстаемся
Быть можетъ навсегда.

И онъ осиротѣетъ
Одинъ въ краю чужомъ,
Покинувъ все что мило
Въ своемъ гнѣздѣ родномъ.

Напрасно въ часъ обѣда
Ты ляжешь на порогъ —
Ты не получишь хлѣба
Условленный кусокъ.

И много дней промчится,
Пока настанетъ мигъ,
Когда какъ буря грянетъ
Свободы грозный крикъ;

И я на крикъ призывный
Явлюсь въ родномъ краю,
И кинусь новой жизни
Въ кипучую струю!

Но что давно я бросилъ —
Семью, друзей, любовь —
Вернувшись изъ изгнанья
Найду ли все я вновь?

Иль поклонюсь безмолвно
Ихъ дорогимъ гробамъ?
Прощай. Напрасны слезы.
Пора разстаться намъ.

Въ альбомъ иностранкѣ.

Одиноко въ изгнаньи блуждая
Я Васъ встрѣтилъ въ чужой сторонѣ,
Но судьба разлучитъ насъ слѣпая —
И забудете Вы обо мнѣ.

Дни и годы промчатся чредою,
Не сойдемся мы вновь никогда
И минутная встрѣча со мною
Въ вашей жизни пройдетъ безъ слѣда.

Для чего же Вы просите пѣсней?
Или станетъ вашъ пестрый альбомъ
Оттого для другихъ интереснѣй,
Что стихи мои вписаны въ немъ?

Выросъ я средь борьбы и страданій
И въ альбомы писать не привыкъ.
Ихъ надуманныхъ чувствъ и признаній
Мнѣ противенъ слащавый языкъ.

Непривѣтливъ и мраченъ мой геній,
И сурова стиховъ моихъ рѣчь;
Средь потерь и тревогъ и гоненій
Сердца жаръ не сумѣлъ я сберечь.

Мнѣ смѣшны увлеченья и грезы,
Измѣнила давно мнѣ любовь,
И красавицъ притворныя слезы
Не взволнуютъ остывшую кровь.

Вѣчный спутникъ мнѣ тяжкое горе,
Счастье видѣлъ я только въ снѣ,
Съ дѣтства жизни тревожное море
Угрожало невзгодами мнѣ.

Но въ упорной борьбѣ и страданьѣ
Крѣпла сила души молодой,
Понялъ я человѣка призваньe
И судебъ предначертанный строй.

Дикій вопль голодающей черни,
И весь ужасъ людской нищеты
И вѣнецъ изъ колючекъ и терній,
Ожидающій ихъ за труды.

Вы, кто спите въ блаженномъ покоѣ,
Украшайте альбома листки.
Не пробудитъ въ васъ сердце глухое
Крикъ печали, нужды и тоски.

Но быть можетъ найдется межъ Вами,
Кто пойметъ мою страстную рѣчь?
Я хотѣлъ бы своими стихами
Молодую въ немъ душу зажечь!

Чтобы, вдумавшись глубже, презрѣньемъ
Онъ толпу никогда не дарилъ,
Но съ любовью и братскимъ терпѣньемъ
Бѣдняку и страдальцу служилъ.

Вѣрьте! Выше наукъ и искусства,
Выше всѣхъ наслажденій земныхъ
Позабыть свои личныя чувства
И работать и жить для другихъ.

Е. Ѳ. Вульфъ.

Рѣдѣетъ сумракъ нѣги полный,
И въ блескѣ новой красоты
Встаетъ заря, трепещутъ волны,
И улыбаются цвѣты.

Но долго мракъ воспоминая,
Купаясь въ утреннихъ лучахъ,
Еще дрожитъ роса, сверкая
На ихъ душистыхъ лепесткахъ.

Такъ можетъ быть мой стихъ печальный
Съ забвеньемъ въ тягостной борьбѣ
Въ душѣ прекрасной, идеальной
Оставитъ память о себѣ.

Друзьямъ.

I.

Прозрачно небо осени холодной;
Горитъ въ лучахъ синѣющая даль;
Недвижимъ воздухъ. Дышетъ грудь свободно,
И смутная смиряется печаль.
День гаснетъ. Вечеръ полонъ тихой думы.
Вокругъ меня и нѣга и покой.
Чуть плещетъ ключъ въ расщелинѣ угрюмой,
Чуть шепчетъ лѣсъ рѣдѣющей листвой.

II.

Какой просторъ задумчивому взору!
У ногъ моихъ покатый склонъ холмовъ.
По нимъ змѣей тропинка вьется въ гору
И исчезаетъ въ заросли кустовъ.
Вдали Вогезовъ синія вершины,
Тамъ дикихъ Альпъ суровые снѣга,
Внизу кругомъ глубокія долины
И шумныхъ рѣкъ крутые берега.

III.

Здѣсь все ласкаетъ мнѣ воображенье.
Но что жъ душа во мракъ погружена?
Что чужды ей восторги восхищенья
И въ тишинѣ волнуется она?
Свершивъ свой кругъ въ порядкѣ вѣчно строгомъ
Отжившее опять не оживетъ!
О сердце, ты привыкшее къ тревогамъ,
Чего еще тебѣ недостаетъ?

IV.

Покинувъ край насилья и гоненій
И дерзкой власти грубый произволъ,
Въ борьбѣ надеждъ и тягостныхъ сомнѣній
Въ чужбину я изгнанникомъ ушелъ.
Съ какой отрадой разорвавъ оковы
Вдыхалъ въ себя я ароматъ полей,
Какъ я сіялъ довольный жизнью новой,
Весь отдаваясь радости своей!

V.

Но дни прошли нѣмого ослѣпленья.
Вокругъ себя я оглянулся вновь.
Восторгъ улегся перваго волненья,
И пробудилась къ родинѣ любовь.

Я вспомнилъ ширь равнины необъятной
И мужика надъ бѣдною сохой.
Картины дней, ушедшихъ невозвратно,
Въ моей душѣ промчались чередой.

VI.

Я вспомнилъ васъ, мои лѣса родные,
Рядъ низкихъ избъ убогихъ и кривыхъ,
И блескъ снѣговъ и небеса ночныя —
Свидѣтели мечтаній молодыхъ;
Восторгъ любви и перваго свиданья
И счастье промелькнувшее, какъ мигъ,
И васъ, о дни потери и страданья,
Я вспомнилъ вдругъ и головой поникъ.

VII.

И вспомнилъ я моихъ друзей любимыхъ,
Домашній кругъ ихъ ласковой семьи,
Гдѣ средь заботъ довѣрчиво дѣлимыхъ
Промчались годы лучшіе мои,
Пока гроза не встала пламенѣя,
И наступилъ разлуки горькій часъ;
Въ чужомъ краю, въ изгнаньи сиротѣя,
Вновь никогда я не увижу васъ!

VIII.

И съ вами я покинулъ все родное,
Чѣмъ вдохновлялась молодость моя,
Все близкое, все сердцу дорогое,
Все, чѣмъ я жилъ и съ чѣмъ сроднился я.
И нынѣ я одинъ! Въ моемъ изгнаньи
Все холодно и пусто вкругъ меня.
Душа полна безмолвнаго страданья,
И въ сердцѣ нѣтъ ни жизни, ни огня!

IX.

Что пользы въ томъ, что не стѣсненъ заботой
Я здѣсь живу въ довольствѣ и тиши
И занятъ умъ любимою работой,
Когда кругомъ нѣтъ близкой мнѣ души!
Сынъ сѣвера подъ яснымъ небомъ юга
Влача въ тоскѣ безжизненные дни
Межъ новыхъ лицъ себѣ искалъ я друга,
Но чуждыми остались мнѣ они!

X.

Ихъ рѣчь не та, ихъ родина другая,
Другой у нихъ обычай и законъ,
Однѣ и тѣ же вещи наблюдая
Подходимъ мы съ различныхъ къ нимъ сторонъ.

Нашъ нравъ имъ дикъ, нашъ строй имъ не по силамъ,
Довѣрчивость имъ странна и чужда,
Иная кровь течетъ по нашимъ жиламъ,
Намъ не понять другъ друга никогда!

XI.

О сколь иначе ты, моя отчизна.
Пусть теменъ людъ, пусть тяжекъ власти гнетъ,
Но никогда слѣпая укоризна
Твоей судьбы коснуться не дерзнетъ.
Томясь вѣками въ рабствѣ произвола
Народъ привыкъ къ насиліямъ кнута,
Суровая насъ воспитала школа,
И общая сплотила насъ нужда.

XII.

Пусть говорятъ, что намъ бичи полезны
И что свободы мы напрасно ждемъ.
Снося покорно власть узды желѣзной
Народъ еще объятъ глубокимъ сномъ.
Съ младенчества пріучены къ гоненью
Злосчастные мы пасынки судьбы.
Мы терпимъ все. Но есть конецъ терпѣнью,
И падшіе возстанутъ вновь рабы.

XIII.

Вы скажете: »безумный бредъ поэта!
»Въ мечтахъ дѣйствительность не видитъ онъ.
О нѣтъ, друзья. Въ лучахъ чужого свѣта
Мой зоркій глазъ еще не ослѣпленъ.
Прислушайтесь: то ропотъ раздается
Крестьянина въ невѣдомой глуши.
И въ ихъ груди надеждой сердце бьется,
Въ нихъ тотъ же крикъ измученной души!

XIV.

Еще ихъ умъ въ невѣдѣньи коснѣетъ,
Еще кругомъ глубокой ночи тѣнь;
Но ужъ забрежжилъ свѣтъ. Востокъ алѣетъ
И свѣжій вѣтеръ предвѣщаетъ день.
Заря взойдетъ. Желанный мигъ настанетъ.
Свободы лучъ заблещетъ въ небесахъ,
И тяжкій громъ небесной бурей грянетъ
Все обновляя и взметая прахъ.

Грѣшница.

Грѣшница.

Христосъ училъ. Передъ толпою
Онъ въ притчахъ ясныхъ излагалъ
Съ невыразимой простотою
Любви высокой идеалъ.

Звучала сила неземная
Въ его божественныхъ словахъ,
Въ сердца простыя ихъ вселяя
Благоговѣніе и страхъ.

И съ удивленьемъ и съ вниманьемъ
Толпа и старцевъ и дѣтей
Ловила съ жаднымъ уповаьнемъ
Глубокій смыслъ его рѣчей.

Вдругъ воздухъ крикомъ огласился,
И передъ зрѣлищемъ инымъ
Народъ широко разступился
Объятый ужасомъ нѣмымъ.

Шумя, по площади толпою
Поспѣшно фарисеи шли,
Нагую женщину съ собою
Они съ угрозами влекли.

Ихъ взоры завистью свѣтились,
Горѣли злые въ нихъ огни,
И предъ Христомъ остановились
Съ коварнымъ умысломъ они.

»Учитель! Новой жизни свѣтомъ
»Ты осѣняешь мракъ души.
»Къ тебѣ пришли мы за совѣтомъ,
»Сомнѣнья наши разрѣши.

»Блудница мужу измѣнила.
»На мѣстѣ схвачена она!
»Какой же казни заслужила
»Прелюбодѣйная жена?

»Мойсей велитъ побить камнями.
»Великъ и святъ его законъ,
»И исполнялъ его вѣками
»Съ тѣхъ поръ всегда Синедріонъ.

»Но учишь ты прощать злодѣю
»И зла не дѣлать никому.
»Кому же вѣрить намъ, Мойсею
»Или ученью твоему?

»Что скажешь ты? И казнь какая
»Ея достойна, объясни!
Такъ говорили, искушая,
Съ улыбкой злобною они.

И вся толпа кругомъ молчала.
Въ волненьи страха и стыда
Безмолвно грѣшница стояла,
Смотрѣть не смѣя на Христа.

Но на пескѣ чертилъ онъ тростью,
Не отвѣчая ничего,
И фарисеи съ дикой злостью
Смѣялись громко вкругъ него.

»Что жъ ты молчишь? Мы ждемъ рѣшенья.
»Произнеси свой приговоръ.
»Исполненъ тайнаго волненья
»Зачѣмъ потупилъ ты свой взоръ?

»Законъ Мойсея исполняя,
»Твое мы слово знать хотимъ...
Но рѣчи ихъ перерывая
Христосъ отвѣтилъ тихо имъ:

»Творцомъ поступокъ каждый взвѣшенъ
»И строго судитъ Онъ за все.
»Но тотъ изъ васъ, кто самъ безгрѣшенъ,
»Пусть броситъ камень свой въ нее.

Смутились всѣ, потупивъ взоры.
Никто не смѣлъ поднять очей.
Проснулись совѣсти укоры
Въ душѣ холодныхъ палачей.

И какъ преступные злодѣи
За жизнь дрожа передъ судомъ,
Спѣшатъ оставить фарисеи
Христа и грѣшницу вдвоемъ.

Когда же площадь опустѣла,
Къ ногамъ Спасителя въ слезахъ
Она припала и скорбѣла
Въ молитвѣ жаркой о грѣхахъ.

И долго слушалъ онъ печально
Рыданья горькія ея,
Потомъ съ улыбкою прощальной
Къ ней обратилъ лицо свое.

»Смотри! Враги твои бѣжали.
»Омытъ слезами грѣхъ души.
»Иди же съ миромъ! Брось печали.
»Иди и больше не грѣши!

Отрывокъ изъ поэмы

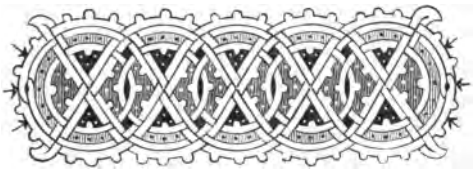
Искупленіе.

Часть I.

Проклятіе.

Всѣ говорятъ, нѣтъ правды на землѣ
Но правды нѣтъ и выше.

Пушкинъ.



Пространство міра. Весь небесный сводъ усѣянъ звѣздами и освѣщенъ яркимъ розовымъ свѣтомъ, который, измѣняясь и блѣднѣя, постепенно переходитъ въ голубой.

Хоръ ангеловъ.

Въ пространствѣ эфира,
Въ сіяньи лучей
Слетаются хоры
Блаженныхъ тѣней.

Исполнены счастья
И тихой любви
Поемъ неумолчно
Мы пѣсни свои.

И шумъ отдаленный
Бѣгущихъ планетъ
И звѣздъ лучезарныхъ
Негаснущій свѣтъ

Отрадой, весельемъ
И нѣгой звучитъ.
О счастіи вѣчномъ
Здѣсь все говоритъ.

И нѣтъ во вселенной
Блаженству конца!
Хвалите же, духи,
Благого Творца.

Онъ небо украсилъ
Огнями свѣтилъ,
Онъ свѣтъ наслажденья
Намъ въ душу пролилъ.

Онъ далъ намъ свободу,
Въ насъ мысль пробудилъ
И слово живое
Въ уста намъ вложилъ,

Любовью горячей
Сковалъ онъ сердца, —
Хвалите же, духи
Благого Творца!

Вдали появляется духъ человѣка и медленно, задумчиво приближается къ нимъ.

Одинъ изъ хора.

Смотрите! Къ намъ идетъ какой то духъ.
Подобенъ намъ онъ станомъ благороднымъ.
Такой же взоръ, такія же уста,
Такое же чело ... но слѣдъ чего то
Лежитъ на немъ, что незнакомо намъ.
Глубокія морщины, взглядъ унылый,
Исполненный тоски и тайной скорби,
Какъ будто наслажденій этой жизни
Онъ никогда не зналъ, какъ будто горе
И тяжкое страданіе — одни
Его сопровождаютъ неизмѣнно.
Но развѣ есть созданія такія,
Которымъ жизнь дана не въ наслажденье?
До этихъ поръ мнѣ не случалось видѣть
Ни горя, ни мученій. И однако
Слыхалъ я, что страданье существуетъ
И что оно въ движеніи вселенной,
Въ ея могучей, неустанной жизни
Къ существованію имѣетъ право
Такое же, какъ счастіе и радость.
Вотъ онъ подходитъ ближе. О, смотрите,
Какая грусть въ его печальномъ взорѣ,
Какой тоски полны его движенья,

И кажется, горячая молитва
Слетѣть готова съ устъ его открытыхъ.
Попробую я съ нимъ заговорить.
Быть можетъ онъ пойметъ языкъ нашъ чуждый,
И скажетъ намъ, чего онъ ищетъ здѣсь.
Безплотный духъ, блуждающій въ пространствѣ,
Ты, дивно съ нами такъ во всемъ похожій,
Рожденный въ сферахъ, чуждыхъ нашимъ знаньямъ
И недоступныхъ намъ, — скажи намъ, кто ты?
Откуда ты? Когда въ тебѣ есть голосъ,
Заговори! Своимъ молчаньемъ мрачнымъ
Не нарушай гармоніи вселенной
Веселіемъ и радостью звучащей!

Другой изъ хора.

Безмолвенъ онъ и на твои вопросы
Не отвѣчаетъ. Но тоскливый взоръ
Чего то проситъ. Бѣдный духъ заблудшій!
Онъ вѣрно ищетъ райскія селенья,
Которыя покинулъ.

Духъ человѣка.

(Онъ погруженъ въ раздумье и не слышитъ обращенныхъ къ нему рѣчей.)

Боже правый!
Найду ли я конецъ своимъ мученьямъ?
Давно въ пространствѣ міра я блуждаю,

Но не могу пристанища найти,
И жгучая тоска моя растетъ.
Въ движенiи вселенной, въ шумѣ вихря,
Въ лучистомъ свѣтѣ огненныхъ планетъ
Внимая хору звѣздъ неисчислимыхъ
Я одинокъ; и свѣтлая ихъ радость
Не веселитъ меня, но только множитъ
Мою печаль.

Первый ангелъ (къ хору).

Онъ говоритъ. Послушай
Быть можетъ мы поймемъ его слова
И счастливы мы будемъ, если онъ
Услуги не отвергнетъ.

Духъ человѣка (какъ прежде).

Всюду, вѣчно
Быть одинокимъ и не знать конца
Страданiямъ! Ужасно, о ужасно!
(обращается къ хору.)
Вы свѣтлыя, вы, чудныя созданья,
Рожденныя изъ тонкаго эфира,
Которому волненья буйной плоти
Такъ чужды, какъ сiянью черный мракъ,
Скажите мнѣ, гдѣ край тотъ благодатный,
Въ которомъ я тоску свою забуду,
Грызущую меня съ тѣхъ самыхъ поръ,

Какъ въ первый разъ во мнѣ мечта проснулась
И разумъ озарился яркимъ блескомъ,
Чтобъ глубже мракъ сознанья оттѣнить.
Бѣгутъ года напрасно за годами,
Но вѣчно я скитаюсь и томлюсь.

Хоръ ангеловъ.

Кто ты, странникъ одинокій?
Что тебя къ намъ привело?
И зачѣмъ тоской глубокой
Отуманено чело?
Отчего въ согласномъ хорѣ,
Въ счастьѣ жизни міровой
Ты одинъ приносишь горе
И страданіе съ собой?
Или бросилъ ты селенья
Тихой родины своей
И скитаясь въ отдаленьи
Все тоскуешь ты по ней?
Но скажи свои печали,
Край завѣтный назови,
И тебя по синей дали
Я домчу въ края твои.
У сверкающей планеты
Лучъ возьму я золотой,
Блескомъ радости одѣтый
Онъ разгонитъ мракъ ночной.

Духъ человѣка.

Какъ? Туда вернуться,
Откуда я пришелъ? Нѣтъ, низачто!
Итти туда? Духъ, ты не знаешь края,
Который я покинулъ. И когда бы
Всевышній Богъ мнѣ предложилъ вернуться,
Не согласился бъ я.

Ангелъ.

Несчастный духъ!
О, какъ ужасенъ долженъ быть тотъ край,
Что возвратиться ты въ него не хочешь.
Но почему ты грустенъ такъ? Скажи намъ,
Откуда ты?

Духъ человѣка.

Я отъ земли далекой.
Съ тѣхъ поръ какъ Богъ своимъ могучимъ словомъ
Зажегъ свѣтила въ небѣ голубомъ,
Охвачена движеніемъ вселенной
Вращается она неутомимо
Среди другихъ созвѣздій; но на ней
Лежитъ печать проклятья. И въ то время
Какъ звѣзды всѣ гордятся яркимъ блескомъ
И радостно купаются въ эфирѣ,
Вокругъ себя распространяя свѣтъ,

И въ стройномъ хорѣ, вѣчно пламенѣя,
Текутъ по своду неба голубого, —
Одна земля ихъ блеска лишена.
Беззвучная, холодная, нѣмая,
И черная, и мрачная, какъ тѣнь
Она кружится вихремъ по пространству
И видъ ея наводитъ блѣдный ужасъ
На встрѣчныя планеты, и трепещутъ
Приблизившись къ ней звѣзды золотыя
И гаснутъ, задыхаясь отъ испуга.
Ей спутницей холодная луна,
Ужасный видъ нѣмого разрушенья,
Безплодная пустыня льда, прообразъ
Грядущаго земли несчастной. Вмѣстѣ
Онѣ свершаютъ путь свой роковой,
И если бъ ихъ не освѣщало солнце,
На нихъ царилъ бы вѣчно мертвый мракъ.
Но только день алѣя загорится,
Ужъ ночь спѣшитъ смѣнить его скорѣе.

Ангелъ.

Ужель земля — безплодная равнина,
И нѣтъ на ней ни жизни, ни дыханья?
Иль можетъ быть она населена?
Но кто жъ они, несчастныя созданья,
Прикованныя къ ужасу вселенной?

Духъ человѣка.

О, грудь земли богата, даже слишкомъ!
Но плодородіе ея идетъ на гибель.
Тамъ тысячи растеній, милліоны
Зеленыхъ травъ, цвѣтовъ благоуханныхъ,
Деревьевъ густолиственныхъ и сочныхъ
Растутъ и снова гибнутъ и растутъ
И тянутся напрасно въ вышину:
Они всегда свободы лишены,
И не достичь имъ неба голубого,
Къ которому они стремятся жадно.
И на поляхъ, въ лѣсахъ, въ водахъ глубокихъ,
Въ пучинахъ океановъ, на горахъ,
И въ воздухѣ, что землю вкругъ объемлетъ,
Безчисленны, какъ звѣзды въ небесахъ,
Кишатъ несчастныхъ тварей миріады,
Которыя плодятся и живутъ
Лишь для того, чтобъ пожирать другъ друга.
Но грудь земли всегда неистощима,
И вновь родятся существа живыя.
Такъ жизнь и смерть въ борьбѣ неутомимой,
Но смерть уноситъ все.
Ужасный край!
Но среди всѣхъ созданій тамъ живущихъ
Несчастнѣй всѣхъ, о Боже! — человѣкъ, —
Затѣмъ что въ немъ два естества слились.
Одно изъ праха формой благородной

Напоминаетъ свѣтлый образъ Бога,
Но полно страсти знойной и кипучей.
И въ этомъ тѣлѣ, какъ въ темницѣ душной,
Назначенномъ для смерти и для тлѣнья,
Заключена эфирная душа
Рожденная свободной и безсмертной
И къ вѣчности она стремится вѣчно.
Но скована въ своемъ стремленьи гордомъ
Она тоскуя рвется на свободу.

Ангелъ.

Но чѣмъ же такъ несчастенъ человѣкъ?

Духъ человѣка.

О, ты понять не можешь буйной плоти
Мятежные порывы! Ты рожденъ
Безплотнымъ и свободнымъ; а межъ тѣмъ
Въ груди у человѣка бьется сердце,
А въ немъ гнѣздятся страсти и пороки,
Любовь и ненависть, коварство, злоба
И звѣрство дикое и жажда крови.
Напрасно человѣкъ себя считаетъ
Вѣнцомъ созданья. О, когда бъ онъ зналъ,
Какъ онъ ничтоженъ въ гордомъ ослѣпленьи!
Когда бъ онъ жилъ въ порочныхъ наслажденьяхъ,
Пилъ, ѣлъ и спалъ, въ назначенное время
Плодился бы, какъ звѣрь, и умиралъ

Не думая о томъ, что будетъ послѣ,
Не зная самъ, зачѣмъ онъ такъ живетъ,
Онъ въ этой жизни находилъ бы счастье!
Но далъ Господь ему разсудокъ свѣтлый
И въ грудь вложилъ къ прекрасному стремленье,
И сталъ несчастенъ жалкій человѣкъ.
Ни духъ, ни звѣрь — въ исканьи вѣчной правды
Онъ только топчетъ въ грязь ее. И что же?
Виновенъ ли въ своемъ онъ заблужденьи,
Когда бушуетъ въ сердцѣ пламень страсти
И плоть кричитъ, что рождена отъ плоти
И плотью хочетъ быть! О, люди, люди!
Пока еще заботы васъ гнетутъ
И голодъ съ нищетою угрожаютъ,
Живете вы; но что вы стали бъ дѣлать,
Когда бы рай земной васъ окружалъ?
Увялъ бы умъ вашъ въ сладостномъ бездѣльи,
И жили бъ вы для одного разврата.

Ангелъ.

Но неужели тяжкое страданье
Сроднилось съ человѣкомъ, и не знаетъ
Онъ счастья, ни въ любви, ни въ тихой дружбѣ?

Духъ человѣка.

Ахъ, это все одни слова пустыя,
Безплодный звукъ, обманчивый и лживый,

Созданіе фантазіи, мечты
Которыя какъ сонъ проходятъ мимо.
И я мечталъ, когда былъ полонъ силъ,
Когда въ груди стучало громко сердце
Краснѣя отъ улыбки мимолетной,
И впереди была еще вся жизнь.
Да, я мечталъ о счастіи высокомъ,
О счастьи безграничномъ, полномъ, вѣчномъ,
И думалъ, что въ любви его найду.
Съ открытыми объятьями навстрѣчу
Я бросился другому существу.
Въ воображеніи, въ фантазіи игривой
Я создалъ рай себѣ. Безумецъ жалкій,
Я думалъ, что одна душа съ другою
Сливается, какъ два согласныхъ звука,
Въ которыхъ даже самый чуткій слухъ
Различья уловить не въ состояньи,
Такъ полно ихъ единство, хоть сначала
Отдѣльно другъ отъ друга раздались
Тѣ звуки. Видѣлъ часто я, какъ въ морѣ
Волна утесъ могучій обнимаетъ,
И оба глухо стонутъ отъ любви
Сливаясь въ поцѣлуяхъ безконечныхъ;
Того жъ, безумецъ! я не замѣчалъ,
Что море успокоится и снова
Уляжется тревожная волна,
И что тогда утесъ осиротѣлый

Стоитъ одинъ, какъ прежде, только слезы
Струятся по груди его холодной.

Ангелъ.

Ты говоришь намъ о любви, но видно
Другое подъ любовью понимаешь.
Мы любимъ всѣ другъ друга. Но того
О чемъ ты говоришь, такого чувства
Мы никогда еще не испытали;
Хотя мы всѣ живемъ согласной жизнью,
Но странно, непонятно намъ желанье
Сліянья полнаго, когда одно въ насъ чувство
И счастье общее.

Духъ человѣка.

Увы! Ты правъ.
И я теперь такъ думаю. Но раньше,
Когда еще мой духъ былъ скованъ тѣломъ,
Безумное влеченье жалкой плоти
Я принималъ за голосъ божества.
И думалъ я, что если обниму
Прекрасное созданіе, то съ нимъ
Я раздѣлю блаженство; что возможно
Такъ нераздѣльно чувствовать и жить,
Чтобъ каждое дыханье, каждый вздохъ,
Біенье сердца, чувствъ живыхъ волненье
Въ другой груди бы откликъ вызывало.

Казалось мнѣ, что благодатный геній
Ко мнѣ сошелъ съ небесной вышины.
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ встрѣтились мы съ нею,
Я женщины прекраснѣе не знаю.
Со всею страстью юности кипучей
Я бросился въ ту бездну роковую,
Которую въ ихъ дѣтскомъ ослѣпленьи
Любовью люди назвали. Какъ часто
Я о любви твердилъ своей подругѣ,
Обнявъ ея дрожащія колѣни.
И мнѣ она любовью отвѣчала
Возвышенной и чистой и прекрасной,
Какъ и душа ея. Въ тѣни прохладной
Деревьевъ густолиственныхъ, подъ говоръ
Прозрачныхъ струй шумящаго ручья,
Впивая благовонный ароматъ
Густой травы и зелени душистой,
Соединяли мы объятья наши;
И было что-то въ нихъ какъ божество
Чарующе прекрасное; и часто
Отдавшись весь любви и упоенью
Я думалъ что нашелъ земное счастье —
Такой прекрасной жизнь мнѣ рисовалась!

Ангелъ.

Но что тебѣ мѣшало быть съ ней вѣчно
И вѣчно наслаждаться?

Духъ человѣка.

Смерть. Не знаешь
Ты этой гостьи, потому что ты
Безсмертенъ, какъ и я теперь. Но люди
Обречены на смерть, и только духъ ихъ
Свободный и безплотный продолжаетъ
Свое существованье. Злая смерть
Пришла внезапно за моей малюткой.
Костлявою рукой она схватила
Прелестное созданіе. Напрасны
Тутъ слезы и проклятья и молитвы.
Безплодно звукъ умретъ въ пространствѣ неба,
Но къ жизни не пробудитъ человѣка!
Прекрасная, вся убрана цвѣтами,
Она въ гробу была еще прекраснѣй
И на челѣ торжественно спокойномъ
Глубокій миръ лежалъ. Потухшій взоръ
Казалось былъ еще къ землѣ прикованъ,
Вкругъ устъ застыла тихая улыбка
И мертвыя, безжизненныя руки
Лежали на груди ея холодной,
Къ которой сердце такъ недавно билось.
Безуміемъ отчаянья объятый
Ломая руки я упалъ предъ нею,
Я призывалъ на помощь силы неба,
Передъ Творцомъ я въ прахъ повергъ колѣни,
Молилъ его, да возвратитъ онъ къ жизни

Созданье бездыханное. Но небо
Безмолвное, спокойное сіяло
Во всей красѣ, и крикъ мятежный горя
Не возмутилъ безбрежнаго пространства
Эфира лучезарнаго и умеръ
Въ пустынѣ міра мертвой, хоть прекрасной
Непризнанный, ненужный никому!

Прошли года томительнаго горя.
Душа моя къ страданію привыкла.
Тогда я встрѣтилъ женщину другую,
Которая меня очаровала,
И я забылъ на время образъ первый,
Проснулась вновь дремавшая надежда,
Вновь думалъ я найти земное счастье
Въ любви горячей; вновь простеръ объятья
Я къ существу любимому — и что же?
Какъ жало ядовитое змѣи
Ея слова мнѣ поразили сердце.
И надо мной и надъ моею страстью
Она смѣялась. Были непонятны
Возвышенныя мысли ей и чувства.
Она искала только наслажденья,
Которое какъ буря налетаетъ,
Но и проходитъ такъ же скоротечно.
Обиженный ея высокомѣрьемъ
Тогда ушелъ я въ самого себя
И сталъ перебирать въ воспоминаньи

Минувшаго картины. Но напрасно
Искалъ я позабыть мечты и грезы,
И предавался буйному разврату,
Въ которомъ я топилъ былое горе —
Въ грязи, въ распутствѣ, въ играхъ сладострастья,
Въ объятіяхъ нечистыхъ и тревожныхъ
Погибла только сердца чистота,
Но гордый умъ уже томился снова
И Божество стремилось къ Божеству.
Такъ иногда въ хаосѣ звуковъ шумныхъ
Все слышится одинъ высокій звукъ
И все растетъ, растетъ, и наконецъ
Уже одинъ и чистый и могучій
Чаруетъ слухъ.
Тогда настало время.
Я какъ орелъ въ испугѣ встрепенулся,
И ужасомъ наполнилась душа,
И сердце задрожало передъ бездной
Той низости, въ которую я палъ
И самого себя мнѣ стало стыдно.
Но сохранились силы, хоть безумно
Я тратилъ ихъ на призракъ наслажденья,
И изъ моихъ страданій и мученій,
Надеждъ разбитыхъ звуки я извлекъ
Для пѣсни, то какъ вѣтра вой унылой,
То грозной и могучей, какъ прибой
Разсерженнаго моря, какъ раскаты

Ударовъ громовыхъ. И стали всѣ
Прислушиваться къ звукамъ этихъ пѣсней,
И было въ нихъ такъ много тайной силы,
Такъ много горькой правды, что не разъ
Прекрасное стучало громко сердце
Внимая имъ. Ко мнѣ стекались люди
Чтобъ слушать ихъ, и по странамъ далекимъ
Гремѣло имъ славное мое
И лаврами чело мое вѣнчали
И поклонялись мнѣ они, какъ Богу,
И счастіемъ считали этотъ даръ,
Который былъ плодомъ лишь злыхъ мученій
И ужаса передъ погибшимъ счастьемъ!

И думалъ я, что счастіе — въ наукѣ.
Я бросился съ отвагою и жаждой
И долго книгу міра изучалъ
И въ таинствахъ природы находилъ
Я наслажденье. Но пытливый умъ
Стремился дальше, дальше, до тѣхъ поръ
Пока я не достигъ границъ познанья.
Я бросилъ взглядъ на пройденный мной путь
И на безбрежность міра, и тогда
Отчаянье мнѣ душу охватило,
И понялъ я, что разумъ человѣка
Въ себя вмѣстить безбрежности не можетъ,
И тайна мірозданія всегда
Останется для человѣка тайной.

А время шло. Мнѣ надо было жить.
Я сталъ копить богатство. Груды денегъ
Стекались въ старые подвалы замка
И наростали быстро. Сундуки
Едва вмѣщали золото, и часто
Я думалъ, что богатство — счастье!
Горе!
Не зналъ тогда я, чѣмъ его я добылъ.
Но часъ пасталъ, и на людей несчастныхъ
Напала язва голода. Поля
Сухія и безплодныя стояли,
И солнце жгло траву, деревьевъ зелень
И воды рѣкъ и всходы молодые.
И было все кругомъ мертво и пусто.
Смотрѣлъ уныло пахарь, проклиная
Пославшаго засуху. А когда
Запасы истощились, и не стало
Ни корки хлѣба больше у людей,
Тогда кругомъ поднялся ярый вопль.
Безумные отъ голода, бросались
Всѣ другъ на друга, отнимая пищу,
Послѣдніе объѣдки. Мать не смѣла
Кормить дѣтей, возсталъ на брата братъ,
И сынъ бѣжалъ, боясь отцеубійства!
Освирѣпѣвъ какъ звѣри, съ страшнымъ крикомъ
Отчаянья и злобы, въ города
Всѣ бросились искать въ подвалахъ старыхъ

Чѣмъ утолить свой голодъ. И толпами
Тогда стеклись въ мой замокъ нищихъ стаи
И требовали громко, чтобы далъ
Я хлѣба имъ. Я распахнулъ ворота.
Всѣ бросились туда. Такъ злыя волны
Врываются въ пещеры между скалъ.
Я слышалъ, какъ трещали сундуки
Предъ натискомъ толпы разсвирѣпѣвшей,
Я видѣлъ, какъ рвались худыя руки
Въ надеждѣ тамъ найти хоть крошки хлѣба,
Какъ жадностью горѣли ихъ глаза,
И какъ потомъ съ проклятіемъ безмолвнымъ
Смотрѣли на ненужный блескъ металла,
Который въ нихъ зажегъ бы страсть слѣпую
Въ иное время. Въ ужасѣ искалъ я,
Чѣмъ имъ помочь. Но было тщетно все,
И люди гибли, гибли.

И тогда
Мнѣ показалось вдругъ, что я нашелъ
Путь къ счастію; Что еслибъ передалъ имъ
Я все, что зналъ, быть можетъ стали бъ люди
Жить лучше, наученные добру,
И въ часъ ужасный бѣдствій и несчастій
Хоть умирали бъ тихо и спокойно.
Тогда явился человѣкъ. Онъ былъ
Такой какъ всѣ, но на его челѣ
Была печать величья неземного,

И божество въ его очахъ свѣтилось.
Въ пустынѣ дикой долгими трудами,
Молитвой и упорною борьбой
Онъ покорилъ порывы буйной страсти
И выступилъ тогда передъ народомъ
Съ горячимъ словомъ мира и любви.
Въ его рѣчахъ была святая сила,
А кроткій взоръ былъ такъ глубоко ясенъ,
Что даже зависть передъ нимъ смолкала,
Озарена его небеснымъ блескомъ.
Училъ онъ о любви высокой, чистой,
Не о безумной страсти человѣка.
Онъ говорилъ, что страсть — порокъ великій,
Что предаваться страсти — безразсудно,
Что надо всѣхъ любить любовью равной;
И рѣчь его звенѣла какъ потокъ
И какъ струи рѣки текла спокойно.
Къ нему стекались люди отовсюду,
Услышать словъ его живую силу...
И что жъ? — Толпа, которая вчера
Его рукоплесканьями встрѣчала
И усыпала путь его цвѣтами,
Крича »Осанна! Слава въ вышнихъ Богу!«
Веленью страсти снова повинуясь
Безумная отъ злости подняла
Мятежный крикъ »Распни его, распни!«
Сорвавъ одежду съ плечъ его, они

Неистово страдальца бичевали
И на чело высокое его
Вѣнокъ терновый въ ярости надѣли,
Любуясь, какъ алѣя и дымясь
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впивались иглы злыя
Живая кровь по каплямъ выступала.
И распяли его, и дерзкій воинъ
Копьемъ пробилъ истерзанное тѣло,
И потекла изъ раны кровь на землю.
Тогда отъ ужаса природа содрогнулась,
И на моряхъ вскипѣли грозно волны
И ринулись на берегъ съ дикимъ ревомъ,
Чтобъ поглотить въ пучину океана.
И задрожала грудь земли несчастной,
И встала кровь изъ праха къ небесамъ
И обагрила тучи; бурный вихрь
Пронесся по лѣсамъ; затрепетали
Отъ ужаса деревья вѣковыя,
И все слилось въ одинъ безумный вопль
Отчаянья и горя и проклятья!

Хоръ ангеловъ.

Ужасно, о ужасно!

Духъ человѣка.

Да, ужасно!
И нѣтъ конца всѣмъ ужасамъ. Смотрѣлъ я,

Какъ яростно безумцы попирали
Все, передъ чѣмъ сжигали ѳиміамъ,
Какъ все святое, сила, разумъ, геній
И божество развѣнчаны, разбиты,
Затоптаны въ крови, въ грязи, въ развратѣ,
И только плоть слѣпая торжествуетъ, —
И въ глубинѣ души моей кипѣла
Стѣсненная, подавленная злоба
Противъ того, кто могъ въ минуту гнѣва
Создать людей. О, сто разъ лучше было бъ
Имъ не рождаться! Яркій блескъ природы
Насмѣшка надъ страданьемъ. Или люди
Ни счастья, ни блаженства не достойны
Лишь оттого, что вѣчно въ дикомъ спорѣ
Съ душой безсмертной емертное ихъ тѣло?
И даже умирая сохраняютъ
Они воспоминанія о краѣ,
Куда они заброшены судьбою,
И улетая изъ страны мученій
Душа объята трепетомъ разлуки
И чувствуетъ и видитъ, какъ въ тѣ дни,
Когда была прикована къ землѣ,
Отъ прошлаго отторгнуться не въ силахъ
И въ новой жизни странникъ чужеземный
Безсмертная не вѣдаетъ забвенья.
О, пусть же крикъ тоски непримѣримой,
Кроваваго страданья и несчастья

Растетъ, растетъ, растетъ и грянетъ громомъ
На синій сводъ безчувственнаго неба
И потрясетъ его, и пусть свѣтила,
Что красотой своей теперь гордятся,
Внезапно дрогнутъ, крикъ тотъ услыхавъ,
И градомъ и дождемъ падутъ въ пространство
Въ тѣ черные края пустынной бездны,
Гдѣ только тучи мрачныя клубятся,
И сѣрный дымъ клокочетъ и кипитъ
Отъ смраднаго дыханія гіенны,
Гдѣ роются во мглѣ, какъ улей пчелъ,
Злыхъ демоновъ отверженныя стаи.

Хоръ Ангеловъ.

Ужасно! Ужасно! Ужасно!

Духъ человѣка.

Проклятіе землѣ съ ея водами,
Проклятіе животнымъ и растеньямъ
И мелкимъ травамъ и деревьямъ гордымъ
И каждой твари, что живетъ и дышетъ
Лишь для того, чтобъ возвратиться къ смерти.
Проклятіе безумцу-человѣку,
Всѣмъ людямъ, что живутъ еще на гибель,
Горячей крови, что течетъ въ ихъ жилахъ
И остываетъ въ судоргахъ предсмертныхъ.
Пусть чумное дыханье страшной язвы

Проникнетъ въ грудь всѣхъ женщинъ, что должны
Рожать дѣтей на горе и мученье,
И поразитъ ихъ кости молодыя
И истребитъ въ зачаткѣ плодъ несчастный
Минутнаго, слѣпого наслажденья.
Проклятіе улыбкѣ сладострастной
И поцѣлую первому любви!
Пускай съ огнемъ горячаго желанья
Прольетъ онъ въ кровь отраву и погибель,
Подкоситъ силы юности кипучей.
Проклятье старости безплодной и больной
Послѣднимъ днямъ и вздохамъ человѣка,
Когда въ мученьяхъ корчась и стеная
Душа стремится прахъ навѣкъ покинуть.
Проклятіе злосчастному мгновенью,
Когда ребенокъ, въ первый разъ вдохнувъ
Въ себя всей грудью воздухъ, громко плачетъ
И свѣтъ увидѣвъ жалобно кричитъ,
Въ предчувствіи грядущихъ бѣдъ и горя.
Пусть люди никогда не видятъ солнца,
И тяжкихъ мукъ страданія не знаютъ,
Но мертвыми, бездушными родятся!

Хоръ ангеловъ.

Ужасно! Ужасно! Ужасно!

Духъ человѣка.

Пусть черный вихрь зловѣщимъ ураганомъ
На волны моря съ шумомъ налетитъ
И ихъ погонитъ бѣшенно на землю,
И яростно бросаясь на просторѣ
Пусть волны налетятъ на грудь земли
И, поглотивъ ее, въ пространствѣ міра
Разсѣются невидимою пылью
И разнесутъ съ собой земное горе
По всѣмъ краямъ вселенной безконечной
Пока оно престола не достигнетъ
Всевышняго Создателя и Бога
И потрясетъ блаженство бытія.
И надъ главой Творца оно сберется
Зловѣщею, клубящеюся тучей
И грянетъ на него проклятьемъ страшнымъ
И прогремитъ всему, чего творецъ Онъ,
Проклятіе, проклятіе, проклятье!

Хоръ ангеловъ.

Ужасно! Ты страшенъ и дикъ.
Сверкаетъ твой взоръ иступленный;
Какъ жало змѣи раздраженной
Опасенъ твой злобный языкъ.
Слова твои дышутъ отравой,
Въ нихъ язва безумной тоски,
И свѣтятъ слезою кровавой

Глаза, загораясь, твои.
Зачѣмъ въ необъятномъ просторѣ
Вселенной, тоскою гонимъ,
Пришелъ ты съ проклятьемъ во взорѣ
Смутить насъ страданьемъ своимъ?
О горе! О горе!

Духъ человѣка.

Свершилось! Душный кругъ страданія и лжи
Покинулъ я безъ жалобы, безъ страха,
И на землѣ средь низости и праха
Нѣтъ мѣста для души!
Съ тѣхъ поръ одинъ блуждаю я въ пространствѣ
Какъ полуночный метеоръ,
И звѣзды въ ихъ торжественномъ убранствѣ
Не веселятъ, не радуютъ мой взоръ.
И тщетно жду я ласки, кроткой рѣчи,
Души родной ищу напрасно я:
Боится все моей нежданной встрѣчи
И сторонится отъ меня.
И если набѣжитъ случайная комета —
Эфира трепетная дочь —
Испуганно, безъ звука, безъ привѣта
Она спѣшитъ умчаться прочь.
Тоскую всюду какъ изгнанникъ,
Душа волнуется во мглѣ,
Въ безбрежномъ мірѣ вѣчный странникъ
Чужой и Небу и Землѣ!

Но вы меня не оттолкнули,
Мнѣ лаской освѣтили путь,
Надежду новую вдохнули
Въ мою истерзанную грудь.
Меня вы встрѣтили, какъ братья.
Остаться съ вами я хочу.
За ваши ласки и объятья
Любовью вамъ я заплачу.

Хоръ ангеловъ.

Нѣтъ, странникъ; иди себѣ мимо.
Боимся мы страсти мятежной.
Мы любимъ и сами любимы
Спокойно глубоко и нѣжно.

Мы вольные духи, поемъ и летаемъ
Въ сіяніи свѣтлыхъ лучей,
Ни зла, ни страданій, ни горя не знаемъ
И счастливы жизнью своей.

Смотри, какъ мѣняются краски и тѣни
И какъ лучезаренъ эфиръ!
Какое намъ дѣло до слезъ и мученій,
Когда такъ прекрасенъ нашъ міръ.

Огней негасимыхъ
Лучемъ озаренъ

Сверкаетъ звѣздами
Кругомъ небосклонъ.
Здѣсь царство отрады,
Блаженства покой
И нѣга и счастье
Любви молодой.

Намъ чуждо страданье земное.
Тоской своей вѣчно гонимый
У насъ не найдешь ты покоя.
О странникъ! Иди себѣ мимо!

(Они вьются, утопая въ сіяніи лучей и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ изъ виду. Свѣтъ блѣднѣетъ все больше и больше и смѣняется глубокимъ мракомъ. Духъ человѣка съ тоскою слѣдитъ за улетающими ангелами.)

Духъ человѣка.

Они ушли, и скоро слѣдъ ихъ легкій
Въ волнахъ эфира синяго исчезнетъ,
И я опять останусь здѣсь одинъ
Злымъ рокомъ на скитанье обрѣченный.
Какое дѣло имъ, что гдѣ-то тамъ
Въ странѣ иной страдаютъ и томятся?
Имъ хорошо, ихъ не взволнуетъ горе,
И крикъ тоски, подъятый отъ земли,
Не возмутитъ пространства мірового.

Все такъ же ясенъ небосклонъ глубокій,
Величественъ, спокоенъ и прозраченъ,
И звѣзды трепеща отъ наслажденья
Кружатся вѣчно въ пляскѣ ихъ безумной!
Лишь человѣкъ страдаетъ и томится
И на землѣ и въ небесахъ. Они же
Не знаютъ зла. О Боже! гдѣ же правда?

Типографія Липпертъ и Ко. (Г. Пеца), Наумбургъ н/С.

Verlag von **RAIMUND GERHARD** in **LEIPZIG**,
12, Lessingstrasse — Naundörfchen 26.

Безъ переплѣта. Ц. 5 М.

Красиво переплѣта. Ц. 7 М.

РУССКІЯ МЕЛОДІИ.

Легенды, лирическія стихотворенія и поэмы.

Первый итальянскій переводъ съ русскимъ текстомъ Е. В. Фулька и Д. Чіамполи, съ предисловіемъ Проф. Анджело Де-Губернатисъ.

Melodie Russe.

Leggende — Liriche — Poemetti.

Prima versione italiana
col testo russe a fronte per **E. W. Foulques** e **D. Ciàmpoli.**
Con prefazione del Prof. Angelo de Gubernatis.

ОГЛАВЛЕНІЕ. INDICE.

Пушкинъ, Черная шаль	Lo sciallo nero, Pusckin
Некрасовъ, Слёзы матери	Lagrime di madre, Nekrasof
Козловъ, Разбитый корабль	Nave naufragata. Kozlof
Рылѣевъ, Краса природы! . . .	A una fanciulla, Rileief
Лермонтовъ, Ангелъ	L'Angelo, Lermontof
Пушкинъ, Птичка	L'Uccellino, Pusckin
Огаревъ, Fatum	Fatum, Ogaref
Лермонтовъ, Бѣглецъ	Il Disertore, Lermontof
Пушкинъ, Кинжалъ	Il Pugnale, Pusckin
Кольцовъ, Сирота	L'Orfana, Kolzof
Баратынскій, Мадонна	La Madonna, Baratinski
Лермонтовъ, Молитва	Preghiera, Lermontof
Пушкинъ, Женихъ	Il fidanzato, Pusckin
Жуковскій, Цвѣтокъ	Il fiore, Jukovski
Пушкинъ, Цвѣтокъ	Il fiore, Pusckin
Лермонтовъ, Вѣтка Палестины	Ramo di Palestina, Lermontof
Дельвигъ, Домикъ	La casetta, Delvig
Дельвигъ, Русская пѣсня	Uccello e Cuore, Delvig
Кольцовъ, Пѣсня	Marito vecchio, Kolzof
Лермонтовъ, Узникъ	Il Prigioniero, Lermontof
Лермонтовъ, Разстались мы . . .	Ci dividemmo . . ., Lermontof
Некрасовъ, Маша	Marietta, Nekrasof
Михайловъ, У моря	In riva al mare, Mikailof
Минскій, Серенада	Serenada, Minski
Майковъ, Картинка	Quadretto, Maikof
Некрасовъ, Пѣсня преступниковъ	Canto dei forzati, Nekrasof
Лермонтовъ, Сонъ	Il sogno, Lermontof
Лермонтовъ, Демонъ	Il Demone, Lermontof
Лермонтовъ, Пѣснь монахини	Il canto della monaca, Lermontof
Кольцовъ, Пѣсня	Canzone, Kolzof
Кольцовъ, Веселый часъ	Ora lieta, Kolzof
Кольцовъ, Приди ко мнѣ	Vieni a me, Kolzof
Козловъ, Сонъ невѣсты	Il sogno della fidanzata, Kozlof
Баратынскій, Наслаждайтесь	Godete! Baratinski
Омулевскій, Міръ прекрасенъ	Il mondo è bello, Omulevski
Майковъ, Сѣнокосъ	La raccolta di fieno, Maikof
Пушкинъ, Зимняя дорога	La strada maestra nell'inverno, Pusc.
Козловъ, Сельская сиротка	L'Orfana del villaggio, Kozlof
Пушкинъ, Къ ***	A ***, Pusckin
Пушкинъ, Полтавскій бой	La battaglia di Poltava, Pusckin
Рылѣевъ, Войнаровскій	Voinarovski, Rileief
Огаревъ, Младенецъ	Il fanciullo, Ogaref
Крыловъ, Лебедь, Щука и Ракъ	Il cigno, il gambero e il luccio, Krilof
Полонскій, Солнце и мѣсяцъ	Il Sole e la Luna, Polonski
Некрасовъ, Новый годъ	Anno Nuovo, Nekrasof
Лермонтовъ, Слышу ли голосъ твой	Quando la voce tenera, Lermontof
Лермонтовъ, Парусъ	La vela, Lermontof
Пушкинъ, Русалка	La Russalka, Pusckin
Пушкинъ, Къ Овидію	A Ovidio, Pusckin

Verlag von RAIMUND GERHARD in LEIPZIG,
12, Lessingstrasse — Naundörfchen 26.

Безъ перепл. Ц. 3 М.

Красиво перепл. Ц. 4 М.

Стихотворенія Лермонтова.
3. полное народное изданіе
съ
портретомъ автора.

Lermontoff, Gedichte.
3. vollständige Volks-Ausgabe
mit
Porträt des Autors.

Geheftet 3 M., modern gebunden 4 M.

Стихотворенія Кольцова.
Съ статьею о его жизни и сочиненіяхъ,
писанною В. Бѣлинскимъ.
Второе изданіе.

Kolzoff, Gedichte.
2. Auflage.

Geheftet 2 M.; in Prachtband gebunden 3 M.

Verlag von RAIMUND GERHARD in LEIPZIG,
12, Lessingstrasse — Naundörfchen 26.

Безъ перепл. Ц. 4 М.

Красиво перепл. Ц. 5 М.

Стихотворенія Пушкина.
3. полное народное изданіе.
Съ портретомъ автора.

Puschkin, Gedichte.
3. vollständige Volks-Ausgabe.
Mit Porträt des Verfassers.

Geheftet 4 M., modern gebunden 5 M.

Стихотворенія К. О. Рылѣева.
Съ его жизнеописаніемъ.

Rylejeff, Gedichte.
Mit seiner Lebensbeschreibung.

Geheftet 3 M., gebunden 4 M.

313572 005
53 BR 6037

PG 3476 .I28 D6 C.1
Dumy I vpechatlenila
Stanford University Libraries
3 6105 039 923 110

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305